

Девочка вела себя на редкость тихо, послушно устроившись на руках. Она неотрывно смотрела на Хань Цзина чистым, невинным взглядом янтарных глаз, в которых сквозило удивительное сходство с Морисом. Почувствовав, должно быть, безграничную отцовскую нежность, малышка приподняла уголки крошечного мягкого ротика в едва заметной улыбке.

В отличие от обычных новорождённых, чьи личики поначалу кажутся сморщенными и припухшими, эта малышка выглядела иначе. Её черты уже сейчас отличались благородной чёткостью, а нежная, розовая с молочным отливом кожа казалась безупречной. Настоящий маленький ангел.

Сердце Хань Цзина мгновенно растаяло. С мягкой улыбкой он осторожно пощекотал кроху, и та послушно захлопала ресницами, будто разделяя его радость. Но когда Хань Цзин вгляделся в эти янтарные омуты, его пальцы, ласкавшие нежную щеку дочери, вдруг замерли. Этот взгляд против воли унёс его в запредельные глубины космоса, к расе Паэтри, воскресив образ величественного и неприкосновенного Тира, верховного божественного посланника.

Лик Тира был безупречен, словно сотворён искусным художником: иссиня-чёрные волосы, небрежно перехваченные на затылке, бледная, точно озарённая лунным светом кожа и янтарные глаза...

Удивительно, пугающе похожие на глаза его дочери.

Воспоминание о давящем, парализующем величии божественного посланника заставило Хань Цзина помрачнеть; улыбка медленно угасла на его губах. Бережно баюкая девочку, он повернулся к Марко.

— Марко, Кэтрин... она ведь отличается от обычных детей?

— Никаких младенческих морщинок... И этот цвет глаз — чистый янтарь, а волосы редкого пепельного оттенка... — Хань Цзин не на шутку тревожился, озвучивая свои худшие опасения.

— Янтарный цвет глаз встречается нечасто, но современная медицина с подобным сталкивалась, — мягко ответил Марко, хотя между его бровей залегла тревожная складка. — Что же касается волос... полагаю, это проявление того самого фактора совершенства.

Он замолчал, подбирая слова.

— Генетическое совершенство по сей день остаётся для человечества неразгаданной медицинской загадкой. Но глаза у неё действительно удивительные — чистейший, невероятно глубокий янтарь...

Марко утаил от Хань Цзина всю правду. В анналах истории медицины действительно упоминались янтарные глаза, однако те единичные случаи описывали лишь оттенки, близкие к

карему или болотному, без явной выраженности. Его же крошечная племянница унаследовала первозданный, сияющий янтарь и несвойственные человеку серебристо-серые волосы. Такое дитя неизбежно привлечёт пристальное внимание чиновников из правительства Федерации.

— Значит, Кэтрин? В честь моей тёти? — спросил Марко.

— Да. Морису очень нравится это имя, и мне тоже, — ответил Хань Цзин. После всего, что его возлюбленному пришлось пережить во время родов, он согласился бы на любое имя, лишь бы облегчить его душу.

— Поддержишь её немного? Я хочу побыть с Морисом.

— Похоже, она не слишком этим довольна, — заулыбался Марко, осторожно принимая укутанный свёрток. Как только девочка оказалась в его руках, крошечный ротик тут же обиженно сжался.

— Да ладно тебе, она ведь только родилась, откуда ей знать разницу? — отмахнулся Хань Цзин.

Вернувшись к постели, он присел на край и бережно коснулся бледного, спящего лица. Взяв левую руку Мориса в свои ладони, Хань Цзин нежно прижался губами к обручальному кольцу на его безымянном пальце.

— Всё будет хорошо, — заметив напряжение друга, Марко подошёл ближе, баюкая притихшую Кэтрин. — Роды прошли без осложнений. Морис просто истощён, позволь ему восстановить силы.

— Я хочу быть рядом, — тихо, но упрямо ответил Хань Цзин, не разжимая пальцев. Он продолжал покрывать поцелуями ладонь Мориса, чувствуя, как к горлу подступает горький, удушливый ком. — Хочу, чтобы, открыв глаза, он первым делом увидел меня.

Кэтрин появилась на свет на рассвете. Всё действительно прошло благополучно, без единой заминки, однако Морис так и не пришёл в себя. Он погрузился в глубокий, беспробудный сон, пугающе похожий на то состояние, в котором он оказался после спасения в миссии SG-I, когда возникла угроза выкидыша. Его сознание словно ускользнуло в недостижимые глубины разума. Хань Цзин не отходил от постели двое суток, лишившись сна и покоя. Шли часы, но Морис не подавал признаков скорого пробуждения, и в груди Хань Цзина постепенно укоренялся глухой, леденящий страх.

В бескрайней, безмолвной пустоте, напоминавшей исток мироздания, затеплилось робкое золотистое свечение — мягкое, тёплое и удивительно ясное.

Сначала это были лишь крошечные, едва различимые пылинки света. Но постепенно они сплетались в тончайшие нити, образуя нежные, струящиеся лучи. Это сияние ласково

коснулось лица спящего Мориса, подобно весеннему дуновению, неся в себе смутные, едва уловимые отголоски чужих мыслей.

Что это?

Что он так отчаянно пытался отыскать в потаённых уголках собственной души? Какое неизведанное чувство пробуждалось в нём?

Там, в самом сердце этого золотого океана, сквозь мириады световых волн проступил безупречный силуэт. Раздался голос — изысканный, холодный, словно прорвавший преграду вечности и пространств, чтобы эхом отозваться в его угасающем сознании.

"Мы наделены безграничным разумом..."

"Безграничным разумом..."

"Безграничным разумом..."

Этот шёпот гремел в ушах, раскалывая душу на части, заставляя содрогаться от благоговейного ужаса.

Грудь сдавило от внезапной судороги. Морис, уставившись невидящим взором в пустоту, резко сел на постели. Его прошиб холодный пот, а в голове всё ещё грохотали пугающие слова.

"В чём же моя вина?!"

"В чём вина?!"

"В чём моя вина?"

— В чём моя вина?.. — шептал Морис, стирая со лба крупные капли пота. Кошмар всё ещё удерживал его в своих цепких объятиях, не позволяя полностью вернуться в реальность.

Дежуривший у кровати Хань Цзин мгновенно прижал измученного мужчину к себе, укрывая его в надёжных, бережных объятиях.

— Морис?!

— Посмотри на меня, Морис. Ну же, посмотри на меня.

— Это просто кошмар. Всё позади, всё хорошо, я рядом, — хриплым от волнения голосом без конца повторял Хань Цзин, пытаясь успокоить любимого.

— Я... — Морис долго не мог прийти в себя. Лишь почувствовав крепкие руки Хань Цзина и его ровное дыхание, он наконец ощутил долгожданное тепло и покой.

Сон казался бесконечно далёким и путаным. Детали ускользали, рассыпаясь звёздной пылью по бескрайнему космическому полотну. И всё же в этом тумане вновь возник тот безупречный образ, одновременно чужой и до боли знакомый, внушавший инстинктивный трепет. Длинные серебряные волосы струились подобно горному источнику, отливая первозданным лунным светом... Ощущение присутствия было настолько сильным, что перехватывало дыхание.

Прижавшись к Хань Цзину и вдыхая его родной запах, Морис прикрыл глаза. Наваждение понемногу отступало, уступая место тяжёлой, накатывающей волнами усталости.

— Ребёнок?! — его сердце испуганно сжалось. Морис дрожащей рукой коснулся своего живота, ставшего плоским. Бесконечные месяцы изнурительной борьбы наконец подошли к концу.

Очертив пальцами контур его лица, Хань Цзин ласково улыбнулся:

— Кэтрин — на редкость послушная девочка. Посмотри на неё.

— Кэтрин?.. — К Морису постепенно возвращалось его привычное холодное самообладание. Преодолевая сонливость, он наблюдал, как Хань Цзин бережно вынимает из колыбели крошечный свёрток и устраивает его у него на груди.

— Наша дочь, — Хань Цзин обнял Мориса за плечи и запечатлел поцелуй на его красивом виске. — Невероятная красавица. Но сколько же сил она из тебя выпила...

Морис склонил голову, и пряди его длинных золотых волос скользнули по личику спящей малышки. Очутившись в тёплых отцовских руках, Кэтрин оживилась: её чистые янтарные глазки доверчиво распахнулись, а губы тронула невинная улыбка. Кроха смешно наморщила носик и потянулась крошечной ручкой к золотистому локону Мориса, крепко ухватив его пальчиками.

Морис воспринял необычную внешность дочери куда спокойнее, чем Хань Цзин. Хотя пепельный цвет её волос и яркий янтарь глаз удивили его, стоило ему прижать к себе этот крохотный комочек, как сердце затопила волна слепой, всепоглощающей любви. Он знал без тени сомнения: это дитя — плод его мучительной ночи, его плоть и кровь, продолжение их с Хань Цзином жизни.

Они пролежали так долго. Лишь когда веки Мориса начали неудержимо слипаться, он тихо спросил, устроившись на плече супруга:

— Кэтрин? Значит, ты согласен?

— Разумеется. Прости, что спорил раньше, я был неправ. Отныне последнее слово всегда за тобой, — Хань Цзин сжал его ладонь, чувствуя, как слаб Морис.

— Устал? Ещё поспишь?

— Да, — едва слышно отозвался Морис. — А как же твоя мать? Что ты ей скажешь?

— С мамой я сам во всём разберусь. Тебе сейчас нужен покой, не забивай себе голову.

— Давай я переложу Кэтрин обратно в колыбель?

— Не нужно, пусть спит со мной, — Морис посмотрел на дочь взглядом, полным безграничной нежности. — Кажется, я ей нравлюсь.

Кэтрин и впрямь не желала выпускать из кулачка золотую прядь отца.

Хань Цзин негромко рассмеялся:

— Она удивительно смирная, куда умнее обычных младенцев. Почти не плачет — только если проголодается или нужно сменить пелёнки. Но стоит мне взять её на руки или положить рядом с тобой, она сразу начинает улыбаться. Ужасно ласковая девочка.

Покладистый характер Кэтрин стал для Хань Цзина настоящим спасением: он мог полностью посвятить себя заботе о Морисе. После родов тот восстанавливался крайне тяжело. Организм Мориса был истощён до предела. Большую часть времени он пребывал в полузабытьи; сил едва хватало на короткие разговоры с Хань Цзином и редкие минуты с дочерью на руках, после чего он снова проваливался в глубокий, беспросветный сон.

Марко лишь разводил руками — медицина здесь была бессильна. Все физиологические показатели Мориса оставались безупречными, однако загадочные процессы, происходившие в его сознании, выходили далеко за рамки человеческого понимания.

Пока Морис блуждал в полусне, месяц его отпуска пролетел как один миг. О возвращении к службе не шло и речи. Между тем Грант Норман, сгорая от тревоги за сына, больше не мог скрывать его состояние от руководства Федерации. Во всех бедах генерал винил исключительно Хань Цзина. Каждый визит разгневанного отца сопровождался бурей упреков: не свяжись Морис с этим мальчишкой, ему никогда не пришлось бы проходить через тяготы мужской беременности и угасать на глазах у беспомощных врачей.

Оказавшись под шквалом обвинений и давления, Хань Цзин пристрастился к курению. Ночами

он не смыкал глаз, просиживая у постели спящего Мориса, а днём наблюдал за тем, как подрастает их дочь, испытывая одновременно и горькую тоску, и щемящую нежность. В своих мечтах он рисовал совсем иное будущее — пусть сопряжённое с трудностями, но светлое и полное надежд. А на деле Морис угасал на глазах, и даже лучшие светила науки, собранные Федерацией в специальный консилиум, лишь разводили руками, не в силах поставить диагноз.

Ситуацию осложняло и то, что о существовании Кэтрин прознали в верхах Федерации. Девочка мгновенно стала объектом пристального внимания спецслужб. Оно и неудивительно: Хань Цзин и Морис, уцелевшие в аномалии Атлантиды, и так находились под негласным надзором правительства, а рождение их общего ребёнка лишь подлило масла в огонь. Хань Цзин задыхался от этой удушливой слежки, но не смел показывать своего гнева Морису. Каждый раз, когда тот ненадолго приходил в себя, Хань Цзин встречал его мягкой улыбкой, пряча глубоко в душе ворох тревог, и укладывал дочь рядом с ним.

Кэтрин росла здоровой и крепкой девочкой. Её звонкий смех стал для Хань Цзина тем самым спасительным лучом света, пробившимся сквозь грозовые тучи, помогая ему пережить самые тёмные полгода в его жизни.

Спустя шесть месяцев состояние Мориса наконец стабилизировалось. словно очнувшись от затяжного сна, он буквально за несколько дней полностью пришёл в себя. Морис вернулся к делам Федерации, вновь примерив маску холодного и властного четырёхзвёздного генерала. Общая забота о Кэтрин помогла ему наладить отношения с отцом, и теперь два влиятельных офицера единым фронтом отстаивали безопасность девочки в кулуарных политических играх, где интерес к необычному ребёнку рос с каждым днём.

На публике оправившийся от недуга Морис казался ещё более отстранённым и безжалостным — точно обнажённый клинок, готовый разить наповал. Он стремительно укреплял свои позиции в самом ядре власти Федерации. Но дома, наедине с Хань Цзином, его сердце оттаивало. Их связь крепла с каждым днём; Морис учился уступать и прислушиваться к мнению супруга. Он прекрасно знал, через какой ад пришлось пройти Хань Цзину за те полгода, пока он сам балансировал на грани небытия. Хань Цзин в одиночку выдержал всё давление, окружив его бесконечной, преданной заботой, которая не угасла ни на миг.

Именно о такой близости Морис всегда мечтал. Он, как и Хань Цзин, желал сохранить это сокровище навечно.

Год спустя

Не успели они оглянуться, как пролетел ещё один год и наступила тёплая весна. В саду у дома вновь пышно распустились нежные розы, а ветви плакучих яблонь у окна, усыпанные розовато-лиловыми цветами, за несколько лет разрослись так густо, что теперь почти касались земли.

Первые утренние лучи скользнули в спальню. Хань Цзин бесшумно вышел из ванной. За

прошедшие годы он заметно возмужал, в его движениях появилась уверенная стать. Он застегнул пуговицы серо-голубого мундира — прежние капитанские нашивки давно сменились знаками отличия полковника.

— Доброе утро, — прошептал Хань Цзин, запечатлев нежный поцелуй на красивой щеке спящего. В его тёмных глазах светилась искренняя нежность.

— Почему ты так рано? — лениво приоткрыв глаза, пробормотал Морис. Сон всё ещё неохотно отпускал его.

— Рано? Уже без малого восемь.

— Восемь?! — Морис, преодолевая сонливость, неохотно приподнялся на локтях, на его лице отразилось лёгкое недовольство. — Что со мной такое... В последнее время никак не могу выспаться.

— Может, дело в том, что вчерашняя ночь вышла слишком бурной? — поддразнил его Хань Цзин, но не успел договорить: Морис резко потянул его за рукав, заставив опуститься на край постели прямо перед собой.

— А тебе будто не нравится? — парировал Морис с лукавой улыбкой, подавшись вперёд. — Сам ведь не даёшь мне прохода каждую ночь. И так из года в год.

— Потому что рядом с тобой я каждый раз теряю голову от восторга, — признался Хань Цзин. Его слова звучали откровенно, но это было чистой правдой. За четыре года брака их страсть не угасла ни на йоту; напротив, они увязали друг в друге всё сильнее. Единственным омрачающим моментом оставались меры предосторожности — близость в презервативе лишала их былой полноты ощущений. Морис к тому же отчаянно противился барьерам, его тело чутко реагировало на малейшие ограничения.

— Давай всё же, как и прежде, обойдёмся защитой? — терпеливо, ласковым тоном попытался уговорить мужа Хань Цзин. Памятуя о тяжелейших родах четырёхлетней давности, он безумно дорожил здоровьем Мориса и настаивал на контрацепции. Кэтрин им было более чем достаточно. Однако во время недавнего отпуска в Юрике они один раз пренебрегли правилами, и с тех пор Морис наотрез отказывался от презервативов, заставляя Хань Цзина не на шутку тревожиться.

Благодаря фактору генетического совершенства Морис практически не менялся с годами, однако ему уже шёл тридцать пятый год, и Хань Цзин панически боялся любых непредвиденных рисков.

— Ну забеременею и забеременею. Рожать-то всё равно мне, чего ты так занервничал? — холодно бросил Морис, сбросив одеяло и поднимаясь с постели.

Вопрос о втором ребёнке вызывал у него противоречивые чувства. Не то чтобы он не пытался поменяться ролями с Хань Цзином, но наследие Атлантиды, прочно укоренившееся в его крови, в моменты страсти подчиняло его волю, делая невозможным иной исход. К тому же имя их дочери — Кэтрин Хань Норман — было официально зарегистрировано под фамилией Норман. Родители Хань Цзина долго выражали по этому поводу своё глухое недовольство, и Хань Цзин, зажатый меж двух огней, едва справлялся с семейными разногласиями. Морис всё это прекрасно видел.

Кроме того, Марко как-то обмолвился, что, несмотря на генетические модификации, мужская беременность противоречит самой природе. У женщин после тридцати пяти лет шансы зачать стремительно падают, а у мужчин и подавно — без прямого вмешательства репродуктологов забеременеть естественным путём практически невозможно.

Ему скоро тридцать пять... Но как на этот процесс повлияет его абсолютное генетическое совершенство?

Терзаясь сомнениями, но глядя на подрастающую Кэтрин, которая с каждым днём становилась всё очаровательнее, Морис в итоге решил довериться судьбе.

Разумеется, была и другая причина, о которой он не решился бы заговорить вслух...

Проводив взглядом Мориса, скрывшегося за дверью ванной, откуда вскоре донёсся шум воды, Хань Цзин вздохнул и направился в детскую.

— Папочка!

Стоило ему приоткрыть дверь, как маленькая фигурка на кровати тут же зашевелилась, протягивая к нему ручонки.

— Как спалось моей маленькой Кэтрин? — Хань Цзин подхватил дочь на руки, сияя от счастья.

— Мне приснился сон, — прошептала девочка, прижавшись розовой щечкой к его плечу. — В нём не было тебя... Папочка, ты ведь всегда-всегда будешь со мной?

— Конечно, глупышка. Ты моё сокровище, и я всегда буду оберегать тебя, — ласково улыбнулся Хань Цзин, погладив её мягкие пепельные волосы, напоминавшие дорогой шелк. Дочь была привязана к нему всей душой. Мориса же она одновременно и любила, и побаивалась, никогда не позволяя себе при нём тех капризов, которыми осыпала папу.

Кэтрин обхватила его за шею и звонко поцеловала в щеку. В лучах утреннего солнца её чистые янтарные глаза заискрились золотыми искорками.

— Больше всех на свете люблю папочку!

— Я хочу сегодня надеть бледно-сиреневое платье. И заколочку с жемчужным бантиком.

— Пожалуйста, папочка! — капризно протянула она, снова целуя его в щеку.

— Откуда же ты знаешь такие сложные цвета? — усмехнулся Хань Цзин, бережно спуская её на пол. Девочка унаследовала от Мориса фактор совершенства, продемонстрировав поразительный интеллект: её показатель IQ на тестах составил сто тридцать баллов. Впрочем, по секрету она призналась отцу, что намеренно завалила часть вопросов, чтобы её оставили в покое надоедливые дяди и тётки из комиссии.

Малышка безошибочно определяла, кто относится к ней искренне, а кто преследует свои корыстные цели. Она умела вовремя прикинуться наивной, с глуповатым видом захлопать ресницами; знала, что при строгом Морисе нужно вести себя тише воды ниже травы, зато перед Хань Цзином, дедушкой Грантом или бабушкой с дедушкой можно капризничать сколько душе угодно, неизменно добиваясь своего.

<http://bllate.org/book/19677/2006484>